

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

Н. И. Богданов.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

*(Автореферат диссертации на соискание ученой степени
филологических наук.)*

ЛЕНИНГРАД — 1952

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

Н. И. БОГДАНОВ.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

*(Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук).*

ЛЕНИНГРАД
1952

Свободная дискуссия по вопросам языкознания, происходившая в 1950 году на страницах „Правды“, явилась важным событием в истории советского языкознания; она завершилась основополагающими статьями корифея науки И. В. Сталина, которые положили начало новой эры в развитии советской науки о языке. Гениальный труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ дал советской лингвистической науке прочную марксистско-ленинскую теоретическую основу — стройное, научное сталинское учение о языке, освещающее целый ряд важнейших проблем языкознания с позиций диалектического и исторического материализма. Этот труд открыл широкие просторы для творческой научно-исследовательской работы в области языкознания. И. В. Сталин этим трудом освободил советское языкознание от немарксистских, антинаучных „теорий“ акад. Н. Я. Марра и вывел нашу науку из того тупика и застоя, в котором она оказалась в результате „аракчеевского режима“. И. В. Сталин четко, ясно и глубоко раскрыл природу языка как общественного явления. Он указал, что язык не является надстройкой над базисом, что язык не был и не является классовым, что язык создан всем обществом, усилиями сотен поколений и служит людям средством общения в их хозяйственно-производственной и общественной деятельности, в их повседневной жизни. В труде И. В. Сталина освещены характерные признаки языка, специфика языка, сущность его структуры, указаны законы развития языка. И. В. Сталин учит, что „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества

нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в непрерывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка¹⁾ Далее И. В. Сталин указывает, что „...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“²⁾ что развитие языка происходит по его внутренним законам.

И. В. Сталин призвал советских языковедов освободиться от ошибок Н. Я. Марра, ликвидировать „аракчеевский режим“ в языкознании и поставил главную задачу — внедрение марксизма в языкознание. Таким образом, И. В. Сталин в своих трудах указал путь борьбы со всякими попытками вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, а также путь борьбы с догматизмом, превращением живой мысли в безжизненную схему, борьбы за творческое разрешение стоящих перед советскими лингвистами языковедческих проблем на основе материалистической марксистско-ленинской науки о языке.

Значение трудов товарища Сталина выходит далеко за пределы языкознания. Труды И. В. Сталина обогатили все отрасли наук новыми выводами, новыми идеями, новыми положениями творческого марксизма, вошли ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Советские лингвисты глубоко благодарны И. В. Сталину, открывшему им своими гениальными трудами дорогу к творчеству в языковедении, освободившему их от той невероятной путаницы, которая была внесена в языкознание т. н. „новым учением о языке“ акад. Н. Я. Марра и продолжала насаждаться в языкознании до творческой дискуссии на страницах „Правды“.

Для исследователя стало совершенно ясно, что ни одна научная проблема по той или иной дисциплине не может быть правильно разрешена изолированно от другой смежной дисциплины. Так, советский языковед, ставя перед собой проблему исследования того или

1) И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания изд. „Правда“, 1950, стр. 18.

2) Там-же, стр. 21.

инного языкового вопроса, памятуя учение И. В. Сталина, не может забывать об историческом подходе к разрешению этого вопроса, не может не увязать его с историей общества, т. е. с историей народа, носителя языка, и не может рассматривать языковые факты в отрыве от мышления. Поэтому естественно, что лингвистическая тема нашей диссертации „История развития лексики вепсского языка“ тесно связана с историей носителей этого языка, т. е. с историей вепсов. В диссертации мы стремимся исторические факты развития лексики вепсского языка посылно увязать с историей жизни самого народа, с той исторически сложившейся обстановкой, в которой находились вепсы в течение длительного времени, и в то же время на языковом материале показать, как он отражает отдельные периоды истории вепсского народа, его историческую связь с другими племенами и народами, его хозяйственное, политическое и культурное развитие.

В свете указаний И. В. Сталина в исследовании мы ставим своей целью в какой-то мере вскрыть историю развития лексики вепсского языка. Исследование по вепсскому языку в этом плане ведется впервые. Оно позволило дать характеристику основного словарного фонда вепсского языка, как основы языка, показать процесс развития словарного состава вепсского языка, историческое изменение значений слов в некоторой части основного словарного фонда, обусловленное историей носителей языка, историей вепсов, при общем (массовом) сохранении прежних значений слов. Характеристика самобытности и устойчивости вепсского языка подкрепляется некоторыми фактами грамматического строя (грамматический строй полностью в диссертации не освещается). В качестве исследовательского приема в исследовании истории развития лексики вепсского языка в некоторых случаях был использован сравнительно-исторический метод.

Вепсский язык принадлежит к группе прибалтийско-финских языков. Он в основном делится на четыре крупных диалекта: северный (шелтозерский), восточный (шольский — дер. Пондала и Куя), средне-вепсский (оятский и шимозерский), южный (ефимовский и капшинский), которые в свою очередь делятся на говоры. Несмотря на сильную разобщенность, в кото-

рой оказались вепсы, различия во всех наречиях незначительны. Они в основном касаются лексики и фонетики. Вепсы, говорящие на разных наречиях, хорошо понимают друг друга и затруднений в разговоре не встречают. Вепский язык — бесписьменный.

Для написания диссертации был привлечен материал средне-вепского наречия, как более распространенного среди вепсов, с упором на шимозерский говор. Однако, при надобности, учитывались и особенности других говоров с ссылкой на них.

Практическое значение исследования, на наш взгляд, заключается в том, что диссертация может послужить в качестве пособия для студентов ВУЗов при прохождении курса по сравнительному изучению финноугорских языков, особенно прибалтийско-финских языков, а также при изучении вепского языка; в русских школах с вепским контингентом учащихся материал диссертации может облегчить процесс преподавания русского языка. Исследование в какой-то мере послужит материалом для освещения истории вепской народности как одной из народностей СССР.

Диссертация состоит из трех глав и заключения. Главы имеют следующие названия.

1. К истории вепсов (сюда же входит обзор русской дореволюционной и финляндской буржуазной литературы по языку, истории и этнографии вепсов, советской лингвистической и исторической литературы и учебников вепской школы послеоктябрьского периода).

2. Основной словарный фонд и словарный состав вепского языка.

3. Развитие лексики в вепской колхозной деревне.

I.

Учитывая то обстоятельство, что истории вепской народности до сего времени недостаточно уделено внимания на страницах литературы, широкая общественность нашей родины не знает, кто такие вепсы и где они обитают, в первой главе даются краткие сведения о вепсах. Вепсы — одна из небольших народностей Советского Союза, по языку принадлежит к прибалтийско-финской группе и в настоящее время проживают в Шелтозерском районе Карело-Финской ССР

(р. центр с. Шелтозеро), в Оятском, Виницком, Ефимовском и Капшинском районах Ленинградской области, в Оштинском и Шольском районах Вологодской области. Вепсов насчитывается около 35—40 тысяч человек, из них в Карело-Финской ССР 11 тысяч.

Вопрос о происхождении вепсов до сих пор в науке остается спорным. Некоторые ученые, в том числе покойный член-корреспондент АН СССР профессор Д. В. Бубрих, утверждали, что предками вепсов является древняя летописная Весь.¹⁾ Однако, другие ученые, особенно историки, говорят, что древняя летописная Весь, обитавшая в районе Белого озера, исчезла полностью.

Мы, опираясь на материалы топонимики, в первой главе пытаемся внести посильную долю в разрешение этого вопроса и высказать некоторые суждения о древнем местопребывании вепсов. Топонимические данные, на наш взгляд, убедительно подтверждают ту точку зрения Д. В. Бубриха, что племя Весь обитало в древнее время на значительно более обширной территории, нежели упоминаемый для Веси летописью район Белого озера, и поселения этой древней Веси группировались широкой полосой вдоль водной магистрали от Ладожского озера на восток до Белого озера, т. е., по р. Свири и другим водным путям, связанным волоком с реками, впадающими в Белое озеро, а оттуда на Волгу (т. е. там, где проходит современная т. н. Мариинская система). Это была часть пути из Балтийского моря в страны ближнего Востока (Среднюю Азию, Закавказье, Иран и т. д.), находившиеся в IX—X вв. под властью арабов. Этот же путь по р. Свири издревле и особенно после создания древнерусского государства связывал центр северных русских земель — Новгород с огромными пространствами русского Севера (Прионежьем, Заволочьем и т. д.)

Исследуя топонимику района р. Свири и Белого озера, мы находим, что здесь всюду широко представлены географические названия, находящие себе объяснение в данных вепского языка.

Таким образом, если вепсы в настоящее время живут небольшими разрозненными группами севернее и южнее этого района в 30—50 километрах, то в древ-

¹⁾ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Госиздат, Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947.

нее время они были связаны между собой и представляли единое целое, т. е. в I тысячелетии н. э. составляли племя, которое называлось вепсы, по-русски — Весь. Связь терминов вепс, вепся и русск. весь объясняется существованием в русском языке до XI века фонетическим законом выпадения губных **п** и **б** перед **с**, отсюда по-русски — не вепс (вепся), а весь.

В настоящее время в большинстве мест этого района живет русское население. Здесь русская топонимика переплетается с вепсской.

Коротко приведем примеры из топонимии, находящей объяснение из вепсского языка.

1) Река **Свирь**. Шелтозерские вепсы называют её Сюварь, что дает возможность вскрыть семантику этого названия: сювя — „глубокий“, рь — суффикс.

2) Населенные пункты по реке Свири:

Нимпелда. Ним — от вепс. нем — „мыс“, пелда — „поле“ т. е. Нимпелда — „Поле на мысу“.

Варбиги от вепс. варбик, барбик — „кустарник“.

Кезо-ручей. Кеза — „лето“, т. е. „Летний ручей“.

Корба. Корбь — „тайга, густой хвойный лес“ и т. д.

3) Населенные пункты севернее Свири:

С. Ладва (по вепс. Ладв, Прионежский р-н КФСР) — „вершина, высота (географическая), верховье“.

Дер. **Педасельга** (по-вепс. Педайсельг, тот же район). Педай — „сосна“, сельга — географическая возвышенность, плоскогорье, букв. „хребет“.

Мягисельга (по-вепс. Мягисельг, Подпорожский р-н. Ленингр. обл.). Мяги — „Гора, сельга — „хребет“, возвышенность, плоскогорье“.

Дер. **Каягино** (тот же район). Каяг — „чайка“ и т. д.

4. Населенные пункты, озера, реки, болота и пр. южнее Свири.

С. Косельга (по-вепсски Койсельг от Койвусельга, Вознесенского района, Ленинградской обл.) Койв — „береза“, сельга — ук. выше.

Дер. **Паднаволок** (тот же район). Пад от вепсск. пада — „горшок“, букв. „Горшок — наволок“.

Дер. **Кюрзино** (Оштинский р-н Вологодской обл.) Кюрз — „блин“, букв. „Блиново“.

Река **Оравашка** (тот же район) Орава — „белка“.

Дер. **Сяргозеро** (Виницкий р-н Ленинградской обл.). Сяргь — „плотица“, т. е. „Плотично озеро“. Топоническое название Сярг-озеро или Сяргь-ярвь можно встретить на очень широкой территории вдоль водной магистрали Ладожское озеро — Свирь — Белое озеро. Так же широко на этой территории представлено топон. название Перт-озеро (по-вепс. Перть-ярвь — перть — „изба“, ярвь — „озеро“.

Нялг-озеро (тот же район). Нялг — „голод“, букв. „Голодное озеро“.

Кимозеро (тот же район). Ким — „токовище птиц“, т. е. „Токовое озеро“.

Дер. **Пойкимо** (Оятский р-н Ленинградской области), от Пойкима, букв. „Поперечное“.

Дер. **Кургино** (тот же район). Курзь — „журавль“, и т. д.

5) Населенные пункты восточнее р. Свири до Белого озера:

С. **Мегра** (Оштинский р-н Вологодской области, южнее Онежского озера). Мегра от вепс. мягра (мягр) — „барсук“. См. также Мал. Мегра на западном берегу Белого озера.

Дер. **Янишево** (Андомский район Вологодской области). Яниш — „заяц“, буквально в переводе порусски „Зайцево“. См. Янишево, Борисово-Судский район Вологодской обл.

Дер. **Сельга** (по-вепс. Сельг, Вытегорский район Вологодской обл.). Сельга — географически — „хребет, возвышенность; плоскогорье“. Сельга в очень многих топонических названиях выступает в качестве второго компонента. См. в том же районе Вертосельга, Репосельга и др. и т. д.

Таким образом, наше мнение сводится к тому, что вепсы, отпочковавшиеся в I тысячелетии н. э. (или ранее) от так называемого древнего прибалтийско-финского племени, образовав отдельное племя, являются потомками и продолжателями древней летописной Веси, что вепсы в прошлом жили на широкой полосе вдоль водной магистрали Ладожское озеро Свирь — волок — Белое озеро (современная Маринская система до Белого озера).

Вторая глава „Основной словарный фонд и словарный состав вепсского языка“ по объему самая большая в диссертации. Она делится на следующие разделы: 1) Исторически устойчивая часть словарного состава вепсского языка (основной словарный фонд); 2) Развитие словарного состава вепсского языка (словообразование); 3) Подвижные группы слов в словарном составе языка; 4) Развитие лексики вепсского языка с начала II тысячелетия н. э. до Великой Октябрьской Социалистической революции. Влияние русского языка и заимствования.

И. В. Сталин в своем замечательном труде „Относительно марксизма в языкознании“ говорит: „...язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“.¹

Таким образом, хотя языки в течение целого ряда эпох и развивались, но главное в них — основной словарный фонд и грамматический строй не исчезали, а сохранялись без существенных изменений, постепенно развиваясь, обогащаясь, совершенствуясь. Это при исследовании прослеживаем и в вепсском языке. Мы уже выше говорили, что вепсы по языку принадлежат к прибалтийско-финской группе народов, что они, как и ряд других прибалтийско-финских племён являются языковыми потомками т. н. древнего прибалтийско-финского племени, которое, примерно, в I тысячелетии до н. э. обитало в Прибалтике.

В I тысячелетии н. э. прибалтийско-финские племена (суоми, хяме, вепсы, карьяла и др.), отпочковавшись от племени-основы, распространились от финского залива на север, северо-восток и восток. Группой, распространившейся на восток, в район от Ладожского до Белого озера, было племя вепсы.²

Славянские племена (Новгородские словене), проникшие в район Ладожского озера во второй половине

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“. стр. 22.

² См. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского суоми языка. Госиздат К-ФССР, 1948, г. и др.

тысячелетия н. э., расселились между вепсами и другими прибалтийско-финскими племенами, тем самым вепсы оказались разъединенными с другими прибалтийско-финскими племенами и для них с этого периода открылась новая страница истории. В период образования древнерусского государства, вепсы вошли с самого начала в его систему, связав таким образом свою судьбу с великим русским народом. Несомненно, вепсский язык попал под сильное влияние русского языка. Словарный состав вепсского языка, являясь проницаемой, менее устойчивой частью языка, за многие века претерпел большие изменения, обогатил себя за счет русских слов, утерял часть собственных устаревших слов и терминов. Тем не менее, вепсы через века пронесли и сохранили свой язык с его основным словарным фондом и грамматическим строем, близким для всех прибалтийско-финских языков. В данном случае мы имеем в виду древний исторический пласт основного словарного фонда вепсского языка, который восходит к языку-основе, который лег в основу языка и сохранился до наших дней, представляя устойчивую часть языка, являясь материалом для образования новых слов, т. е. словарного состава языка.

Исследование по истории вепсского языка наталкивается на то затруднение, что мы совершенно лишены каких-либо древних письменных источников по этому языку. Поэтому для определения основного словарного фонда вепсского языка мы выделяем слова, обозначающие жизненно важные понятия, а все доказательства наши основываются, главным образом, на общности слов прибалтийско-финских языков (в основном вепсского, карельского, финского, эстонского), слов, которые мы даем в сравнениях. В этих сравнениях мы находим то общее, что бесспорно восходит к языку — основе и что является древним основным пластом вепсской лексики, его устойчивой частью.

Приведем для примера слова, которые, на наш взгляд, являются „основными“ в основном словарном фонде вепсского языка. Мы считаем, что более устойчивой частью основного словарного фонда в вепсском языке оказались следующие группы слов и терминов.

а) Слова, обозначающие природу и природные явления: *тайваз* — „небо“ (ср. кар. финск. *taivas*, эст. *tae-*

vas), *пей* (из пйявя) — „солнце“ (ср. кар. räiväne, эст. päike), *пей* (из пйявя) — „день“ (ср. кар., финск. päivä, эст. päev), *õ* — „ночь“ (ср. кар., финск. yö эст. õõ) *тяхт* — „звезда“ (ср. кар., финск. tähti, эст. täht), *ся* — „погода“ (ср. кар. siä, финск. sää), *кастэ* — „роса“, (ср. кар., финск., эст. kaste) и проч.

б) слова, обозначающие ландшафт: *ма* — „земля“, (ср. кар., тиа, финск., эст. maa); *вези* — „вода“ (ср. кар., финск., эст. vesi), *мери* — „море“ (ср. кар., финск., эст. meri), *ярвь* — „озеро“ (ср. кар., финск. järvi, эст. järv), *сарь* — „остров“ (ср. кар. saari, финск. saari, эст. saar), *йоги* — „река“ (ср. кар. jogi, joki, финск. joki), *коскь* — „порог в реке“ (ср. кар. финск. koski, эст. kosk), *сельг* — географ. „хребет, возвышенность, плоскогорье“, (ср. кар., финск. selkä, эст. mäeslg), *мяги* — „гора“ (ср. кар., финск. mäki, эст. mägi), *киви* — „камень“, (ср. кар., финск., эст. kivi), *со* — „болото“ (ср. кар., финск. suo, эст. soo) и проч.

в) человеческие органы и части тела: *пя* — „голова“, (ср. кар. piä, финск. pää, эст. pea), *оц* — „лоб“ (ср. кар. очча, финск. otsa, эст. otsaesine), *сильм* — „глаз“ (ср. кар. silmä, silmu, финск. silmä, эст. silm), *нена* — „нос“ (ср. кар. финск. nenä, эст. nina), *корв* „ухо“ (ср. кар., финск. kogva), *кель* — „язык“ (ср. кар., финск. kieli, эст. keel) и проч.

г) названия домашних животных, птиц, рыб: *хебо* — „лошадь“ (ср. кар. hebone, финск. hevonen, hero, эст. hobune), *лехм* — „корова“ (ср. кар. lehmä, lehmu, финск. lehmä эст. lehm), *ламбаз* — „овца“ (ср. кар., финск., эст. lammas), *сига* — „свинья“, (ср. финск. sika, эст. siga), *коир* — „собака“ (ср. кар., финск. koira, эст. koer), *конди* — „медведь“, (ср. финск. kontio), *яниш* — „заяц“ (ср. кар. jänöi, jänis, финск. jänis, эст. janes), *ороу* (из орава) — „белка“ (ср. кар., финск. orava, эст. orav); *линд* — „птица“ (ср. кар. lindu, lintu, финск. lintu, эст. lind), *кана* — „курица“, (ср. кар., финск., эст. kana), *сорз* — „утка“, (ср. финск. sorsa), *вариш* — „ворона“ (ср. кар. varis, varoi, финск. varis, эст. vares); *кала* — „рыба“ (ср. кар., финск., эст. kala), *хоугь* — „щука“, (ср. кар. haugi, hauki, финск. hauki, эст. haug), *ахвен* — „окунь“ (ср. кар., финск., эст. ahven), *лохь* — „лосось“ (ср. кар., финск. lohí) и проч.

д) название деревьев и прочих растений: *пу* — „де-

рево“ (ср. кар., финс., эст. рши), *окс* — „сук“ (ср. кар., финс. oksa, эст. oks), *йурь* — „корень“ (ср. кар., финс. juuri, эст. juur), *ладв* — „вершина дерева“ (ср. кар. ladva, ladvu, финс. latva, эст. latv), *кузь* — „ель“ (ср. финс. kuusi, эст. kuusk), *койв* — „береза“ (ср. кар., финс. koivu), *хаб* — „осина“ (ср. кар. haaba, финс. haара, эст. haab), *терв* — „смола“ (ср. кар., финс. terva), *хийн* — „трава, сено“ (ср. кар., финс. heinä, эст. hein), *сень* — „гриб“ (ср. кар., финс. sienі, эст. seen); *ругиж* — „рожь“ (ср. кар., фин. ruis, эст. rukis), *хернех* — „горох“ (ср. кар., финс. herne, эст. hernes) *нижу* — „пшеница“ (ср. кар., пѣжу, пісу, фин., эст. піsu) и проч.

е) временные понятия: *ига* (*игя*) — „век, возраст“ (ср. кар. igä, ikä, финс. ikä, эст. iga), *айг* (*эйг*) — „время, пора, срок“ (ср. кар., финс. aika, эст. aeg), *возь* — „год“, (ср. кар. vuosi, vuojі, финс. vuosi) и проч.

ж) орудия труда: *кирвез* — „топор“ (ср. кар., финс., эст. kirves), *адр* — „соха“ (ср. кар. adra, финс. aura, эст. ader), *вийч* — „нож“ (ср. кар. вейччи, финс. veitsi, эст. väits) и проч.

з) средства передвижения: *суксь* — „лыжа“ (ср. кар., финс. sukki, эст. suusk), *те* — „дорога“ (ср. кар., финс. tie, эст. tee), *венех* — „лодка“ (ср. кар., финс., эст. vene) и проч. и т. д.

Мы привели здесь очень небольшое количество слов. Но и приведенный нами перечень слов и сравнение их со словами других прибалтийско-финских языков дают нам основание утверждать, что основной словарный фонд оказался очень устойчивой частью в вепсском языке, так как на протяжении многих столетий он сохранился без существенных изменений. Вполне подтверждаются указания И. В. Сталина, что основной словарный фонд „сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка“, что „грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“ и что „устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда“¹⁾.

¹⁾ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 21, 22.

Сравнения подтверждают, что приведенные слова восходят к древнему прибалтийско-финскому языку — основе¹⁾, т. е. слова являются общими для ряда родственных прибалтийско-финских племен, связи которых порвались, вероятнее всего, в первом и начале второго тысячелетия н. э.

Однако, наряду с общими словами во всех прибалтийско-финских языках древнего периода, мы наблюдаем некоторое количество слов, несходных по звучанию со словами других прибалтийско-финских языков (всех или в частности), имеющими тот же смысл; или мы видим слова сходные по звучанию, но различные по значению, хотя эти слова по своему возникновению также восходят к тому времени, когда еще исторические связи прибалтийско-финских племен не были нарушены, или, по крайней мере, в какой-то степени сохранились.

Приведем примеры: вепс. *ляхтей*, *ляхтам* — „телка“ (ср. кар. lähtömä, финс. hieho, эст. mullikas). Близость по звучанию вепсского и карельского слова объясняется почти непрекращавшимися историческими связями этих племен. Вепс. *чанта* — „рубить, срубить“ (ср. кар. leikata, финс. hakata, эст. raivuta); вепс. *тагайурь* — „затылок“, слово производное от *тага* — „зад“, *йурь* — „корень“, буквально „задний корень“ (ср. кар. tagaraivo, финс. takaraivo, эст. kukal) и проч.

Некоторые слова в процессе развития языка, после распада единого племени на ряд племен, заменились в прибалтийско-финских языках другими словами. В настоящее время „волк“ по-вепски *хяндиказ*, кар. hukka, финс. susi, hukka, эст. susi. Очевидно, более старым названием „волка“ в прибалтийско-финских языках было „суси“ сохранившееся у финнов и эстонцев. Вепс. *хяндиказ* — букв. „хвостатый“ (корень *хянд* — „хвост“, суфф.-каз — „стый“ — „тый“-хвостатый) является, по всей вероятности, более поздним словом по происхождению и ничем иным, как развившимся и укрепившимся в вепс. языке следом пережитого охотничьего запрета; заметим, что финс., кар.

¹⁾ В исследовании мы не ставили себе целью вскрыть происхождение того или иного слова вепсской лексики в до-вепсский период.

хукка имеет в финск. языке, кроме значения „волк“, еще и другое значение — „напрасный, бесполезный; потеря, гибель, убыток, утрата“.¹⁾

Далее корни слов древнего пласта в процессе развития языка осмыслились и использовались прибалтийскими народами в близких, но разных значениях, например, вепс. *орих* — „мерин, конь“, фин. *valakka*, эст. *гуип*. Но в финск. мы находим *огі* (из* *orih*) в значении „жеребец, конь“. В вепс. в значении „жеребец“ будет *убех*, в кар. *ивех*, что соответствует древне-финск.* *иве*, которое финский язык, очевидно, утерял.

Вепс. *рикта* — „убивать, убить“, финс. „убить“ — *тарраа*, эст. *тапта*, кар. *таппа* (вепс. *тапта* — „молотить“). В финс. языке мы встречаем *риккоа* в значении „ломать, разбивать, нарушать“, *rikos* — „преступление“. Связь вепсского *рикта* с этими словами очевидна.

Наконец, в результате развития языка, в частности, вепсского языка, основной словарный фонд пополнился за счет новых слов, в том числе производных слов. В данном случае идет процесс за счет расширения основного значения слова.

Например, вепс. *сень* — „гриб вообще, съедобный и несъедобный“, *лепсень* — „рыжик“, сложное от *леп* — „ольха“, *сень* — „гриб“, букв. „ольха-гриб“, т. е. ольховый гриб“. В финском языке „рыжик“ получил название *herkkusieni* в значении как „лакомый гриб“ и *lerpä-tousku* — „рыжик“ букв. „ольховый хрустящий (гриб)“, в эст. „рыжик“ — *riisikas* — заимствование из русского, в карельском — „*riijikkä*“ и т. п.

Все эти отличия в основном словарном фонде и словарном составе вепсского языка от других прибалтийско-финских языков указывают на самобытность вепсского языка; эти различия частью могли возникнуть еще очень рано, быть может даже в рамках прибалтийско-финского языка-основы.

1) Вепс. *конди*, финс. *kontio, karhu* — „медведь“ тоже имеет ряд синонимов: вепс. *кяпш* — „лапа“, *сурьоц* — „большелобый“, финс. *mesikämmen* „медовая лапа“, *otso* „лобастый“ и т. п., которые являются, безусловно, не только синонимами, шутивными названиями, а также следами пережиточных запретов. См. „Калевала“, руна 46, на финс. языке.

Основной словарный фонд, являясь наиболее устойчивой частью лексики, служит базой для обогащения, для развития словарного состава языка. И. В. Сталин учит, что основной словарный фонд „...гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжении веков и дает языку базу для образования новых слов“¹⁾).

Одним из путей пополнения словарного состава вепского языка является словообразование. Словообразование в вепском языке происходит через сложение основ или корней слов, или присоединение к основе или корню слова суффиксов. Префиксация не характерна для вепского языка. Правда, за последнее время в вепский язык проникли русские префиксы **до** — и **пере**—, которые внесли изменения в вепские обороты речи, т. е. заменили соответствующие средства вепского языка, однако, эти префиксы не изжили старую грамматическую форму вепского языка, обе они (и старая и новая) параллельно сосуществуют, тем самым русские префиксы не произвели ломки в грамматике вепского языка, а только обогатили грамматический строй этого языка.

Словообразование путем сложения основ или корней дает в вепском языке или совершенно новые понятия, или определения, уточнения понятий. Так, сложение двух основ *кязи* — „рука“ и *пайк* — „платок“ дает новое понятие *кязипайк* — „полотенце“; *пахаруби* — „оспа“, букв. *пах* — „злой, дурной“, *руби* — „струп, болячка“; *кеза* — „лето“, *пей* — „день“ — *кезапей* — букв. „летодень“, т. е. „летний день“. В последнем случае — это уточнение слова „день“: первый компонент *кеза* — „лето“ выступает в качестве определения второго компонента *пей* — „день“ и т. п. Словообразование через присоединение к основе или корню слова суффикса придает основному значению слова какой-либо оттенок, новое значение. Так, например, отыменные суффиксы, имеющие собирательное значение: — **ик**, — **жом**, — **ишт**: *бабарм* — „малина“,

¹⁾ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950, стр. 19.

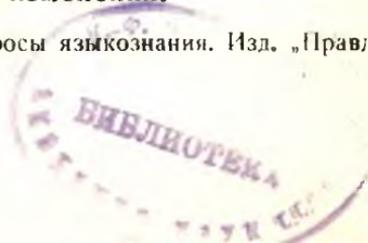
бабармик — „малинник; *койв* — „береза“, *койвик* — „березняк“ и т. п. *манзик* — „землянка, *манзикжом* — „место, где растет земляника“, *сень* — „гриб“, *сеньжом* — „грибное место“ и т. п. *норь* — „молодой“, *норшит* — „молодежь“, *казмине* — „растение“, *казмишит* — „растительность“. Суффиксация богато представлена в словообразовании вепского языка.

Итак, основной словарный фонд, являясь наиболее устойчивой частью языка, служит материалом для словообразования, обогащения словарного состава языка собственными средствами; таким образом, слова основного словарного фонда, сохраняя свою устойчивость, основное значение, дают в процессе словообразования ряд новых элементов лексики с совершенно новыми значениями, ряд новых слов-понятий. Здесь новое развивается на основе старого. „При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов“. ¹⁾

* * *

Говоря об устойчивости основного словарного фонда, мы не можем говорить о его неподвижности, так как в нем мы наблюдаем происшедшие в течение долгого времени и формальные и семантические изменения (причем семантические изменения в одних словах, можно сказать в большинстве слов, бывают или совершенно неуловимы, или трудно уловимы, в других словах они легко прослеживаются), значения слов основного словарного фонда расширяются или сужаются и, наконец, основной словарный фонд все время пополняется за счет новых слов, теряет некоторые устаревшие слова. Поэтому, основной словарный фонд, как и сам язык в целом — исторически изменчивая категория. Наблюдение показывает, что более подвижными, т. е. подвергшимися каким-то семантическим изменениям по целому ряду причин в вепском языке являются слова и термины близкого родства, социальные и производственные термины. Обратим внимание на некоторые семантические изменения.

¹⁾ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“ стр. 21.

По-вепски „отец“ — *tat*, „мать“ — *мам*, по-фински „отец“ — *isä*, „мать“ — *äiti*, по-эстонски „отец“ — *isa*, „мать“ — *ema*. В вепском языке тоже есть слова *ижса* и *эма* со значениями *ижса* — „самец“ „эма“ — „самка“. Несомненно, что вепсы *tat* — „отец“, *мам* — „мать“ заимствовали очень давно из русского языка, а до появления этих заимствованных слов, *ижса* и *эма* с одной стороны, обозначали мужскую и женскую особь, с другой, имели значение „отец, мать“. В ряде прибалтийско-финских языков *ижса* (*isä*) развилось в понятие — вепс. *ижанд* (финс. *isäntä*) — „хозяин“, вепс. *эмаг* (финс. *emäntä*) — „хозяйка“.

По-вепски *канз* — „семья“, по-фински *kansa* — „народ, нация, люди“, по-карельски — людиковски (Михайловский с/с Олонекского района КФСР) *канз* — „стадо“. Исследование показывает, что более раннее значение слова *канз* во всех прибалтийско-финских языках было одно, т. е. *канз* — „коллектив, группа людей“.

Особенно подвержена изменениям производственная терминология. Например, „соха“ — *адр* сменяется словом „плуг“ и т. п. Слово *тоугух* — „общественная помощь“ сменяется новым словом „субботник, воскресник“ с новым значением, выражающим соответствующее общественное мероприятие и т. д. Однако, все эти семантические изменения не производят взрыва в языке, не создают какой-то новый язык. Слова этих групп дают возможность сравнительно легко проследить за развитием языка от прежнего его состояния к новому.

* * *

Вепсы в конце I тысячелетия н. э. оказались в иноязычной окружающей среде, то-есть, живя широкой полосой вдоль водного пути от Ладожского до Белого озера, они оказались в тесном соприкосновении с восточными славянами, которые к этому времени, обосновавшись у оз. Ильменя, стали проникать и селиться севернее его, в том числе по реке Свири и восточнее ее, где в это время жили вепсы. В то же время образовывается древне-русское государство. В развитии вепского языка наступил новый период. Вепсы, жившие по реке Свири и далее по водному

пути до Белого озера, слились с русским населением, и современем утратили свой язык, восприняв русскую речь. Но те группы вепсов, которые жили севернее и южнее Свири, среди таежных лесов, сохранили до наших дней свой язык с его основным словарным фондом и единым грамматическим строем (исключая диалектные различия). Тем не менее, русский язык распространил свое влияние на развитие фонетики и лексики вепсского языка.

К нашему сожалению, за неимением письменных памятников, очень трудно проследить за развитием вепсской лексики во времени, в какой-либо хронологической последовательности. Поэтому, говоря о развитии лексики вепсского языка с конца I и начала II тысячелетия н. э. до Великой Октябрьской социалистической революции, можно делать некоторые заключения, только исходя из данных развития хозяйственно-производственной деятельности вепсов, развития их культуры, политической жизни и т. п., так как лексика „словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям“ (И. В. Сталин) непосредственно и сразу отражает все происходящие в жизни общества изменения.

В этот период лексика вепсского языка развивалась двумя путями — на базе основного словарного фонда путем словообразования, и за счет заимствований из русского языка.

Вепские заимствования из русского языка в преобладающем своем большинстве относятся к более позднему периоду, в основном — к периоду капитализма. Это объясняется тем, что вепсы в период феодализма, обитая в своих таежных лесах, в условиях бездорожья, редко соприкасались с русским населением. Поэтому в эпоху феодализма мы находим незначительное количество заимствований. В основном заимствования того времени относятся к социальной лексике, например, *князь*, *царь*, *баярь* (первоначально в значении „боярин“, впоследствии „барин“) *папъ*, — „поп“, слова близкого родства, *ком* — „кум“, *рист* — „крест“, *пагаст* — „погост, церковь“, *крестьянин*, *казак* — „батрак, работник по найму“ и пр. В эпоху капитализма значительно усилились хозяйственные, производственные, культурные связи вепсов с русским населением. Разви-

тие лесных промыслов (заготовка, вывозка и сплав леса), отходничество на заработки за пределы своих поселений, развитие торговли, наконец, появление в конце XIX века школы, где преподавание велось на русском языке, сыграло большую роль в развитии вепсской лексики за счет заимствований из русского языка. Появились такие слова как: *косуль* — „соха-косуля“, *плуг, телег, пила, мельниц, пасек, лесосек, контор, конторщик, школ, парт, пёро, карандаш, учитель, школьник, самовар, чайник* и много других слов. Мы насчитываем большое число заимствованных в то время основных слов.

Однако, заимствованные слова из русского языка становятся в тот период достоянием не всех вепсов, а только незначительной их части.

Итак, вепсский язык в указанный период теряет былые связи с родственными ему языками. Сохраняя основной словарный фонд, унаследованный от так называемого прибалтийско-финского языка — основы, и самобытные слова древней лексики, вепсский язык в этот период развивается самостоятельно, по своим внутренним законам развития. Развитие лексики идет за счет средств самого вепсского языка, и за счет лексики заимствованной из богатого русского языка. Поэтому, естественно, что в древнем пласте лексики мы видим сходство вепсской лексики с лексикой других прибалтийско-финских языков, тогда как современная лексика вепсского языка резко отличается от лексики, например, финского и эстонского языков.

III

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила к жизни все ранее отсталые народы. Вепсы, в числе других народностей и наций Советского Союза, во главе с великим русским народом, после свержения царского самодержавного строя и гражданской войны вступили в полосу мирного строительства социалистического общества, в полосу новой истории, новой жизни. Уничтожение политического гнета и национального неравенства послужило тесному сплочению вепсов с великим русским народом, в котором они еще и раньше, в эпоху царского самодержавия

и засилия видели своего друга и старшего брата. Новый общественный строй, политика коммунистической партии и Советского государства, индустриализация нашей страны способствовали коллективизации сельского хозяйства. Вепсская колхозная деревня оснастилась новыми орудиями труда, социалистический способ производства создал новые формы организации труда. Все это — новый общественный строй, социалистическая культура и наука, орудия труда, новые формы труда и распределения продуктов труда и проч. внесли новую струю в лексику вепсской колхозной деревни. Если, как мы указывали в предыдущей главе, русские заимствования, проникавшие через школу, в эпоху капитализма были достоянием ограниченной части вепсов, то после Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ликвидации неграмотности и всеобщему обучению детей в школе, русские заимствования стали общим достоянием всего вепсского населения.

Вот все те условия, которые способствовали исключительному обогащению вепсской лексики за счет лексики русского языка, а также интернациональной лексики, которая также заимствуется через русский язык.

Совершенно правильно по этому поводу пишет акад. В. В. Виноградов:

„Стремительный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, развитие культуры и науки в республиках и автономных областях вызывают обогащение и непрерывное изменение словарного состава языков народов Советского Союза. Отказываясь от устаревших, отживших свой век выражений, иногда чуждого происхождения, они вбирают в себя потоки слов и терминов из великого русского языка, обозначающих новые понятия социалистического общества, советской культуры и политики или же являющихся незаменимой частью мирового интернационального лексического фонда“¹⁾.

Итак, развитие лексики в вепском языке после Великой Октябрьской социалистической революции идет в основном за счет заимствований из русского языка.

¹⁾ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 99.

Поток заимствованных слов и терминов очень обширен. Так, например, в вепсский язык вошли без изменения, или почти без них, слова: *совет, исполком, партий* (в смысле коммунистическая партия), *профсоюз, колхоз, совхоз, председатель, секретарь, депутат, делегат, агитатор, марксист, коммунист, большевик, комсомолец, пионер, резолюций, демократий, демократ, гражданин, коммунизм, социализм, марксизм, ленинизм, капиталист, буржуй, социалист, пролетариат, рабочий, колхозник, бригад, звен, директор, трактор, сеялк, молотилк, сортировка, косилк, урожай, доход, трудодень, электричество, клуб, кино, больниц, столвий, автомобиль, самолет, радио, телефон, тонн, центнер, килограмм, грамм, токарь, слесарь, монтер, шофер, тракторист, избач; глаголы: планируйда, сортируйда, агитируйда, экономя, и т. п.*

Однако, появление большого числа заимствованных слов не служит причиной для отмирания вепсского языка, так как все русские заимствованные слова, попадая в вепсский язык, подчиняются его грамматическому строю. Заимствования мы рассматриваем не только как фактор внешнего влияния, но и как прямую необходимость в развитии языка, в данном случае вепсского языка.

Итак, в эпоху диктатуры пролетариата идет бурный расцвет вепсского языка (хотя и безписьменного) за счет лексики заимствованной из русского языка.

